

Международные отношения*Правильная ссылка на статью:*

Хадыров Р.Ю. — Институциональная модель политической системы Таджикистана: иерархия и специфика институтов // Международные отношения. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0641.2023.1.39684 EDN: FKUHYP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39684

Институциональная модель политической системы Таджикистана: иерархия и специфика институтов

Хадыров Равшан Юнусович

кандидат политических наук

Аспирант, кафедра кафедра мировых политических процессов, МГИМО.

115764, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Москва, 63, оф. Москва

✉ khadyrov.r.u@mail.ru

[Статья из рубрики "ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0641.2023.1.39684

EDN:

FKUHYP

Дата направления статьи в редакцию:

23-01-2023

Дата публикации:

30-01-2023

Аннотация: В статье приводится структурно-компонентная модель политической системы Таджикистана, сложившейся за 30 лет институциональной трансформации, анализируется иерархия и роль институтов, которые оказывают наиболее значительное влияние политическую жизнь Таджикистана. Сделан вывод о полном преобразовании советских институтов политической системы в национальную институциональную модель, сочетающую демократические институты и авторитарные практики. За 30 лет независимости в Таджикистане произошла трансформация политической системы и всего общества. Под трансформацией политической системы будем понимать – организационную, ценностную деконструкцию преобразование прежних институтов и воспроизведение новых политико-государственных институтов, ценностей, норм и общественных отношений. Социально-культурное наследие социалистического уклада жизни и советского авторитаризма, последствия жестокой гражданской войны заложили специфику генезиса политической системы Таджикистана. Институциональная трансформация, инициируемая и осуществляемая победившими в гражданской войне региональными элитами, привела к построению и функционированию своеобразной

политической системы, синтезирующей демократические институты и авторитарные политические, административные практики институтов власти. Этот феномен вызывает научный интерес, определивший предмет, цель и методологию исследования – определение институционального наполнения политической системы Таджикистана и выявление специфики ее дизайна на основе структурно-компонентной модели.

Ключевые слова:

трансформация, система, Таджикистан, политическая система, трансформация политической системы, политико государственные институты, институциональная трансформация, власть, институциональная модель, политология

За 30 лет независимости в Таджикистане произошла трансформация политической системы и всего общества. Под трансформацией политической системы будем понимать – организационную, ценностную деконструкцию преобразование прежних институтов и воспроизведение новых политико-государственных институтов, ценностей, норм и общественных отношений. Социально-культурное наследие социалистического уклада жизни и советского авторитаризма, последствия жестокой гражданской войны заложили специфику генезиса политической системы Таджикистана. Институциональная трансформация, инициируемая и осуществляемая победившими в гражданской войне региональными элитами, привела к построению и функционированию своеобразной политической системы, синтезирующей демократические институты и авторитарные политические, административные практики институтов власти. Этот феномен вызывает научный интерес, определивший предмет, цель и методологию исследования – определение институционального наполнения политической системы Таджикистана и выявление специфики ее дизайна на основе структурно-компонентной модели.

Исследование политической системы на основе институциональной модели – один из аналитических инструментов политологии. Понятие «институциональная модель» рассматривается как выявленная совокупность институтов (органов, учреждений, норм, отношений), образующих институциональную структуру политической системы. Исходным положением моделирования принята парадигма: политическая система состоит из взаимосвязанных подсистем, институтов, образующих ее структуру. Тип модели – статическая структурно-компонентная модель, отображающая формальную структуру институтов, их статусную иерархию и взаимосвязи в реальной политической системе Таджикистана.

Структурно-компонентная модель принципиально отличается от широко известных моделей, предложенных Д. Истоном (динамическая модель) [\[15\]](#), Г. Алмондом (структурно-функциональная модель) [\[12,13\]](#), К. Дойчем (информационно-коммуникативная модель) [\[14\]](#), объясняющих универсальные системные принципы функционирования политических систем, но не раскрывающие их институциональную структуру. Приближает к решению задачи моделирования институциональная модель П. Холла, построенная на критическом анализе разновидностей институционализма и включающая властный статус акторов, объем их полномочий и ответственности при создании новых институтов, принятии политических и управлеченческих решений, влияющих на институциональный дизайн [\[17,18\]](#). Но в целом эти концептуальные модели абстрактны и не рассматривают институциональные компоненты конкретных политических систем.

Работы отечественных ученых Т.В. Карадже^[7], С.Г. Кирдиной^[8], О.Ф. Шаброва^[12] в основном сфокусированы на теоретико-методологических аспектах моделирования политических систем и процессов. С.Г. Кирдина обосновывает ограничение институциональной модели, которая описывает не всю совокупность институтов, а только «остов, скелет всей институциональной структуры того или иного общества»^[8, 80]. Проведем построение генезиса и современной институциональной модели на примере политической системы Таджикистана. Это возможно на основе контент-анализа конституционно-правовой базы, определяющей основные политico-системные институты и их функции.

Политico-системная трансформация началась со слома, преобразования советских и создания новых демократических институтов. Конституция Таджикской ССР действовала до 1991 года и к структуре политической системы советского типа относила: 1) социалистическое общенародное государство (Статья 1); 2) Советы народных депутатов, составляющие политическую основу Таджикской ССР (Статьи 2, 80-84); 3) всенародные референдумы (Статья 5); 4) КПСС - ядро политической системы, государственных и общественных организаций (Статья 6); 5) профессиональные союзы, ВЛКСМ, кооперативные и другие общественные организации (Статья 7); 6) трудовые коллективы (Статья 8) ^[2].

В современном Таджикистане конституционно-правовую основу построения и функционирования институтов политической системы составляют Конституция, конституционные и иные законы, регламентирующие отношения в сфере политической жизни общества. В ходе контент-анализа официальных источников (конституционные акты, законы, указы президента Э. Рахмона, постановления правительства, положения об органах исполнительной власти) выявлены элементы системы (институты), их функциональное назначение и взаимодействия.

Рассмотрим элементы институциональной модели политической системы Таджикистана в их системной иерархии (Рисунок 1). Макроуровень включает общереспубликанские институты государственной власти и управления, законодательной, исполнительной, судебной властей, политические партии; мезоуровень – это региональные, районные, муниципальные органы государственной выборной и назначаемой власти и управления; микроуровень – общественно-политическое пространство для участия в политической жизни неправительственных организаций, объединений граждан. Описание модели ограничим макроуровнем, который объединяет институты, определяющие ядро и режимный характер политической системы. Институты политического опосредования условно подразделяются на группу активно участвующих в политической жизни и группу институтов, имеющих ограниченное влияние на политическую систему – церковь, профсоюзы, средства массовой информации. []

Высший уровень системной иерархии – институт президентства. Конституция республики (Глава IV) ^[1], законодательство наделяют институт президентства, а точнее - президента Э. Рахмона высоким статусом, всей полнотой власти и обширными компетенциями ^[3]. Это фактическое ядро политической системы Таджикистана, удерживающее в своих конституционном, правовом и харизматическом полях все остальные институты общества. В данном институте реализованы коммуникативная, институциональная, нормативная, регулятивная, культурно-идеологическая, функциональная подсистемы. Специфика института президентства в том, что президент одновременно является главой государства, председателем правительства, верховным главнокомандующим, главным дипломатом, определяющим внешнеполитический курс, главным законодателем,

вносящим законопроекты на рассмотрение парламента, главным идеологом государства, формирующим и транслирующим новую национальную идеологию. По сравнению с правительством, парламентом, другими ветвями власти и социальными институтами президент Таджикистана, его исполнительный аппарат обладают огромным объемом прав и полномочий.

Институт правительства, его функционал формируется и реализуется в соответствии с положениями Конституции (Глава V), и законодательства. Главными функциями правительства определены управление экономическими, социально-культурными процессами, создание условий для развития экономических отношений, рыночных механизмов на основе всех форм собственности, реализация, исполнение законов, указов президента [\[4\]](#).

Трансформация института советской власти (Верховного Совета ТадССР и системы советов) в институт парламентаризма была наиболее радикальной среди институтов политической системы Таджикистана. Из органа высшей власти в советской республике этот институт преобразовался в законодательную ветвь власти, постоянно действующий профессиональный парламент, но с кардинально урезанными полномочиями в президентской республике. Парламент включает Высшее Собрание (Маҷлиси Олии) состоящее из двух палат: верхняя палата — Национальный Совет (Маҷлиси миллӣ) нижняя — Палата Представителей (Маҷлиси намояндагон). Законодательная деятельность парламента: сводится к подготовке, обсуждению и принятию законов, утверждению нормативно-правовых актов и кандидатур при назначении в правительство, осуществлению зарубежных связей и отношений с парламентскими организациями и союзами.

Парламент не имеет прав, полномочий и механизмов контроля, сдержек исполнительной власти, исключен и контроль избирателями деятельности депутатов. Исполнительная власть через абсолютное большинство депутатов в парламенте правящей Народно-демократической партии (НДПТ), проводит нужные законопроекты, а в законодательном процессе активно участвуют президент и правительство. Таджикский политолог Х. Хуррамов так оценивает положение парламента в политической системе - правительство спускает законопроекты, а парламент их принимает, не предлагая никакие альтернативы или поправки [\[10\]](#).

Институт местных органов государственной власти, состоящий из представительных (областные, городские, районные маджлисы народных депутатов) и исполнительных органов местного самоуправления (МСУ), определяется как синтез властных полномочий и общественных форм управления, при этом органы МСУ (джамоаты) не входят в систему государственной власти, являясь посредниками в отношениях государства и общества. Самоуправление в городах сформировано на уровне самодеятельных организаций, махаллинских советов в границах общин. В системе МСУ местный референдум, исторически сложившиеся институты традиционной демократии, неправительственные организации создают демократические инструменты народовластия. Для сельских общин законодательно выделяются особые компетенции и функции для соблюдения национальных традиций и местной специфики, решения важных социальных, экономических и культурных вопросов, имеющих местное значение [\[6\]](#).

Институализация плурализма и многопартийности на конституционных положениях и законах в политической системе позволяет властям Таджикистана декларировать ее демократический статус. Политическая и правовая институционализация

многопартийности в Законодательство о политических партиях, общественных объединениях, о выборах регулируют деятельность повседневную деятельность политических партий, отражающих почти весь политический спектр общества, позволяет им присутствовать и активно действовать в политическом пространстве. Народно-демократическая партия Таджикистана (НДПТ) заняла прочные позиции правящей партии, а ее кандидаты выигрывают все парламентские и президентские выборы. Другие партии составляют ядро «конструктивной» оппозиции - Аграрная (АПТ), Партия экономических реформ (ПЭРТ), Социалистическая (СПТ), Коммунистическая (КПК) и являются лояльным по отношению к власти. В открытой оппозиции только две партии - Демократическая (ДПТ) и Социал-демократическая партия (СДПТ).

В случае Таджикистана мы видим парадоксальный феномен - несбалансированность институтов – доминирование одних институтов (президента, исполнительной власти) при ослаблении других (парламент, контроль власти обществом) привело к определенному равновесию системы. Во многом это связано с тем, что синкетизм институтов государственной власти и политического режима прочно закреплен в массовом общественном сознании населения [9], электорально на выборах поддерживающего правящую НДПТ и президента Э. Рахмона. Но не массовая правящая НДПТ (как ранее – КПСС), а именно президент, его аппарат стали фактическим ядром политической системы Таджикистана.

Таким образом, институциональная модель политической системы Таджикистана воспроизводит сложившуюся за годы постсоветской трансформации структуру и иерархию властных, политических, общественных институтов и отражает харизматическое лидерство президента Э. Рахмона при низком статусе остальных институтов политической системы. Конституционно-правовые механизмы и успешные режимные практики снижают нестабильность в отношениях исполнительной власти и парламента в условиях президентской республики.

Рисунок 1. Иерархия институтов политической системы Таджикистана

Библиография

1. Конституция Республики Таджикистан : офиц. текст в ред. референдума 22.05. 2016 г. – Душанбе: Шарки озод. (на тадж. и русск. яз.).
2. Конституция (Основной Закон) Таджикской Советской Социалистической Республики : офиц. текст. Принята 14.04.1978 г.-Душанбе : Ирфон, 1987. – 51 с.
3. Об основателе мира и национального единства – Лидере нации : конституционный Закон РТ от 14.11. 2016 г. № 1356 : офиц. текст // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2016 г. № 11.
4. О Правительстве Республики Таджикистан : конституционный закон РТ от 12.05.2001 г. № 28 : офиц. текст в ред. закона от 18.03. 2022 г. № 1851 //Ахбори Маджлиси Оли РТ, 2001 г. № 22.
5. О местных органах государственной власти : конституционный закон РТ от 17.05. 2004 г. № 28 офиц. текст в ред. конст. закона от 08.06. 2022 г. № 1872 //Ахбори Маджлиси Оли РТ 2004 г. № 5.
6. Закон Республики Таджикистан от 5.03. 2007 г. «Об органах самоуправления поселков и сел» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. N 7-8. Ст. 503.
7. Карадже Т. В. Методология моделирования и прогнозирования современного мира : монография / Т. В. Карадже (ред.) ; Прометей, 2012.-280 с.;
8. Кирдина С. Г. Институциональная модель политической системы России. В сб.: Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / Под общ. ред. Т. И. Заславской.-М. : Логос, 1999.-С. 79-85.
9. Равочкин Н. Н. Синкетизм политики и права в институциональном проявлении: социально-философский анализ // Гуманитарные и социально-экономические науки, 2018.-№ 6 (103).-С. 35-39.
10. Хуррамов Х. Х. Таджикский парламент: ветвь власти или фасадная конструкция? / Х. Х. Хуррамов, 08.09.2019. Режим доступа: – URL: <https://rus.ozodi.org/a/30152434.html>. (дата обращения : 16.12.2022).
11. Шабров О. Ф. Политическая система: структура, типология, устойчивость.-М. : Луч, 1993. – 35 с.;
12. Шабров О. Ф. Системный подход и моделирование: общие принципы и специфика применения в политической сфере // Моделирование в социально-политической сфере.-2007.-№1.
13. Almond G. A. The Political of Developing Areas / Gabriel A. Almond and James Coleman, Princeton, NJ.: Princeton University Press, 1960.-P. 7.
14. Deutsch K. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. N. Y., 1963. – 316 р.
15. Easton D. A. Framework for Political Analysis. N. Y., 1965.;
16. Easton D. An Approach to the Analysis of Political Systems // Political System and Change. Princeton, N. J., 1986.
17. Hall P. A. Historical Institutionalism in Rationalist and Sociological Perspective // Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power / ed. by J. Mahoney. K. Thelen.-Cambridge : Cambridge University Press, 2009.-P. 204-224.
18. Hall P. A., Taylor R.C.R. Political Science and the Three New Institutionalisms // Political studies.-Guildford, 1995.-Vol. 55, N 1.-P. 936-957.;

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования является институциональный дизайн современного Таджикистана, а также исторические факторы формирования этого дизайна. Как можно заключить из названия статьи, методологической базой исследования выступил институциональный подход. К сожалению, сам автор не говорит о том, какую именно версию из существующего списка институциональных теорий он использует. При этом он ссылается на известные работы Питера Холла по новому институционализму, в которых описаны основные его (институционализма) версии. Из контекста можно заключить, что в качестве теоретической рамки используется концепция институционального дизайна, в качестве базового методологического подхода – неоинституциональный, а в качестве конкретного методологического инструментария – некоторые из инструментов структурного и исторического неоинституционализма, а также теории рационального (общественного) выбора. Судя по всему, использовались также методы контент-анализа юридических документов. Корректное применение перечисленных методов позволило автору получить некоторые результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, речь идёт о выявленной «колее» (в неоинституциональной теории принят термин «path dependence») зависимости институционального дизайна современного Таджикистана от истории его предшествующего развития. Разумеется, сам по себе данный тезис отнюдь не нов. Но раскрытие его в контексте неоинституциональной теории вполне может претендовать на некоторую новизну. Вполне в духе неоинституционального подхода автор раскрывает и ещё один любопытный момент: связь между уровнями институциональной системы, между политическими и неполитическими институтами. В современной неоинституциональной теории этот тезис является одним из ключевых. Тот факт, что автор раскрывает этот тезис на эмпирическом материале Таджикистана также придаёт работе некоторые элементы новаторства. А вот в структурном плане работа небезупречна. Во-первых, в ней отсутствует рубрикация разделов. Кроме того, заключительный раздел статьи скомкан и оставляет ощущение некоторой незавершённости. В будущих исследованиях автору можно порекомендовать больше внимания уделять заключению, чётче формулировать выводы, с акцентом на их научной новизне. Хорошим тоном считается также обсудить в заключении перспективы дальнейших исследований. Но в целом структура рецензируемой статьи достаточно последовательна и воспроизводит логику проведённого исследования. Стиль статьи также оставляет двоякое впечатление. С одной стороны, работа написана достаточно грамотно и на хорошем научном языке. С другой стороны, в тексте встречается некоторое (некритичное) количество стилистических (например, странное выражение «проведем построение генезиса и современной институциональной модели» и др.) и грамматических (например, несогласованное предложение: «Под трансформацией политической системы будем понимать – организационную, ценностную деконструкцию преобразований прежних институтов...»; здесь же неверно поставлено тире; и др.) погрешностей. Есть вопросы и к используемой терминологии. Институциональный подход – почтенный, но достаточно сложный и многоуровневый способ исследования в политической науке. Терминология институциональной теории насчитывает десятки ключевых терминов, профессиональное владение которыми позволяет получать действительно нетривиальные результаты. Но, к сожалению, усвоение институциональной методологии нередко оставляет желать лучшего. Такие термины, как «институт», «институциональная среда», «институциональное соглашение», «институциональный дизайн», «институционализированные практики» и т. д., часто

используются без должной методологической рефлексии. Некоторые терминологические проблемы можно наблюдать и в рецензируемой статье. С одной стороны, мы видим достаточно корректное употребление таких терминов, как «институциональный дизайн», «институциональные практики», «политическая система», «институциональная структура» и др. Но с другой стороны, встречаются досадные неточности и/или размытости используемой терминологии. Так, понятие «институциональная модель» определяется автором как «совокупность институтов…, образующих институциональную структуру политической системы». Однако даже сам термин «модель» отсылает нас не ко «всей совокупности» элементов, а к наиболее значимым, базовым структурным компонентам. Именно так и понимается термин «институциональная модель» в современных социальных науках. Это понятие напоминает понятие «институциональной матрицы», предложенной Д. Нортом и развитой С.Г. Кирдиной. Любопытно, что автор ниже весьма сочувственно приводит цитату из работы С.Г. Кирдиной, даже соглашается с ней, но в своём определении не учитывает важнейший момент, на который указывает цитируемый российский социолог: институциональная модель есть «остов, скелет всей институциональной структуры», а не вся структура. Есть вопросы и к другим терминам («институциональное наполнение», употребление через запятую «подсистем, институтов» и т. д.) Можно надеяться, что в будущих работах автор более внимательно будет относиться к корректности употребления научных терминов. Библиография насчитывает 18 наименований, в том числе источники на иностранных языках и в некоторой степени отражает состояние исследований по проблематике статьи. Хотя очень странным выглядит отсутствие в библиографическом списке исследования, опирающегося на категорию институционального дизайна, работ основоположника этого подхода Элинор Остром и её последователей (Блумингтонской школы и т. д.); не менее странным выглядит отсутствие исследований других корифеев нового институционализма – Дж. Марча, Й. Ольсена, Д. Норта, Б.Т. Корама, Д. Родрика и др. учёных, непосредственно разрабатывавших методологические инструменты исследования, используемые автором в рецензируемой статье. Можно надеяться, что в будущих своих исследованиях автор более тщательно подойдёт к теоретико-методологической рефлексии. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении методологического выбора.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать как научную работу, соответствующую основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты соответствуют тематике журнала «Международные отношения» и будут представлять интерес для политологов, социологов, специалистов в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. В будущих исследованиях автору рекомендуется больше внимания уделять теоретико-методологической рефлексии, структуре статьи, а также корректности употребляемых терминов. Но данную работу вполне можно рекомендовать к публикации.